

ВОЛОГОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ДИМОНИ Татьяна Михайловна

СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОТЕСТ В КОЛХОЗНОЙ ДЕРЕВНЕ 1945-1960 гг.

(НА МАТЕРИАЛАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ)

Специальность 07.00.02. – Отечественная история

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Вологда
1996

Работа выполнена в Вологодском государственном педагогическом университете. Кафедра Отечественной истории

Научный руководитель: доктор исторических наук,
профессор **М. А. Безнин**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,
профессор **Н. А. Ивницкий**

кандидат исторических наук,
доцент **Н. И. Баландин**

Ведущая организация: Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН

Защита диссертации состоится 23 октября 1996 г.
в 14 часов на заседании Диссертационного совета К 113.47.02 по
присуждению ученой степени кандидата исторических наук при Воло-
годском государственном педагогическом университете по адресу:
160600, г. Вологда, проспект Победы, д. 37, ауд. 78.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Вологодского
государственного педагогического университета.

Автореферат разослан "22" сентября 1996 г.

Ученый секретарь
Диссертационного совета,
кандидат исторических наук,
доцент

С. Г. Карпов

БИБЛИОТЕКА
Вологодского научного
диссертационного совета

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. История крестьянства России находится в центре многих экономических, исторических, философских, социологических исследований. И это вполне оправданно. Именно крестьянство служило фундаментом формирования российской государственности. Будучи самым многочисленным в социальной структуре российского общества, крестьянство в течение столетий создавало национальное богатство страны. Огромна была его роль и в советский период истории.

Между тем, до недавнего времени в обществоведческих исследованиях ведущее место отводилось изучению политики советского государства по отношению к крестьянству. Реакция же "снизу" на проводимые государством мероприятия была по политическим и идеологическим мотивам "закрытой" темой, отсутствовала возможность документального ее обеспечения. В то же время, без рассмотрения всех граней взаимоотношений крестьянского социума и власти историческая картина общественного развития представляется не полной.

В практическом плане изучение реакции крестьянства на действия власти, особенностей его социального протеста помогает выявить традиции общественной жизни России, выработать стратегию и тактику разрешения конфликтов на современном этапе развития страны.

Объект и предмет исследования. Объектом исследования является крестьянство Европейского Севера России. Предмет исследования – выработанные им формы противодействия проводимому "жесткому" курсу государственной политики и методам государственного регулирования деревенской жизни в 1945–1960 гг.

Хронологические рамки исследования охватывают период сложившейся системы взаимоотношений государства и крестьянства в условиях колхозного строя. Начальная грань исследования совпадает с переходом к мирному функционированию общества после окончания Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Деревня в этот период рассматривалась государством как основной источник материальных и трудовых ресурсов восстановления народного хозяйства, прежде всего, промышленности. Верхняя граница исследования совпадает с периодом массовой реорганизации колхозов в совхозы, что существенно меняло характер и формы взаимоотношений крестьянства

с государством. В целом, период 1945-1960 гг. характерен широким, хотя и несколько снизившимся после 1953 г., применением внеэкономических методов воздействия на деревенскую жизнь со стороны государства, что непрерывно репродуцировало ответную реакцию крестьянства, вступало в конфликт с его стремлением обеспечить необходимый минимум условий для материального обеспечения семьи, утвердить свое человеческое достоинство.

Территориально исследование ограничено Европейским Севером России в границах современных Архангельской и Вологодской областей, Карельской и Коми республик. Эти территории входили в состав земель, где формировалась Российская государственность. В течение нескольких столетий здесь происходил процесс относительно свободного хозяйственного развития, не знавшего, в основном, помещичьего землевладения и гнета крепостничества. Это определило формирование таких личностных характеристик населения края как свободолюбие, высокий уровень правосознания, восприятие относительной свободы хозяйственного развития как нормы. В то же время, на территории Европейского Севера сложился особый тип взаимоотношений государства с крестьянством, характеризующийся высоким уровнем изъятия из деревни материальных и трудовых ресурсов. Кроме того, сходство в жизненных проявлениях, менталитете, культуре крестьянства создает возможность рассматривать Европейский Север России в качестве единой хозяйственно-социальной территории.

Историография проблемы. Проблема социального протеста крестьянства достаточно подробно разработана применительно к до-революционному периоду истории России. Многочисленные публикации документов и монографии освещают крестьянское противостояние власти в 1920-1930 гг.. Что же касается изучения социального протеста послевоенного периода, то в трудах советских историков освещались лишь отдельные аспекты проблемы.¹

¹ Волков И. М. Трудовой подвиг колхозного крестьянства в послевоенные годы: Колхозы СССР в 1946-1950 гг. М., 1972; Вылцан М. А. Восстановление и развитие материально-технической базы колхозного строя. 1945-1958. М., 1976; Советская деревня в первые послевоенные годы. М., 1978 и др.

В конце 1960-х гг. была опубликована работа В.Б. Островского, в которой впервые были введены в научный оборот статистические данные о социальном положении колхозников.² Привлекая в качестве источников бюджетные обследования колхозных крестьянских хозяйств, автор показал зависимость материального положения колхозников от проводимой экономической политики и средств ее реализации. Характеризуя личное потребление колхозников, он отметил его достаточно низкий уровень и значительное отставание от доходов городских рабочих и служащих, что позволяет судить об истоках протеста крестьянства. В начале 1970-х гг. И.М. Волков обратил внимание на большой удельный вес колхозников, не вырабатывающих годового минимума трудодней в 1946-1950 гг.³ По его мнению, этот показатель имел в данный период тенденцию к возрастанию. В обобщающем труде по истории советского крестьянства 1945-1950-х гг.⁴ содержится обширнейший статистический и фактологический материал, раскрывающий различные стороны жизни колхозников. Но все же преобладающим подходом и в этом труде оставалось рассмотрение взаимоотношений с государственной властью в ракурсе "возрастания трудовой и общественной активности крестьянства". Наряду с социально-экономическими вопросами, в работах отечественных историков затрагивались и проблемы духовной жизни крестьянства, в частности его религиозность. Причем, историография, посвященная крестьянской религиозности в 1945-1960 гг., хотя и рассматривала его однозначно как пережиток прошлого, тем не менее позволила иметь опорные точки для оценки религиозности сельского населения, положения верующих в северной деревне.⁵

² Островский В.Б. Колхозное крестьянство СССР: Политика партии и ее социально-экономические результаты. Саратов, 1967.

³ Волков И.М. Колхозы СССР в годы четвертой пятилетки (1946-1950 г.г.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946-1970 г.г.) М., 1972.

⁴ История советского крестьянства. Т.4. М., 1988.

⁵ Елфимов В.Ф. О причинах и условиях существования религиозных пережитков в СССР. Вологда, 1971; Рогачев М.Б. Время против религии. Сыктывкар, 1986; Гагарин Ю.Б. Религиозные пережитки в Коми АССР и их преодоление. Коми, 1971 и др.

В зарубежной исторической литературе 1960-1970-х гг., в основном, изучались просчеты советской аграрной политики, реакция же колхозного населения на деятельность властей также практически не исследовалась.⁶

С конца 1980-х - начала 1990-х гг. российская историография сделала заметный поворот в изучении отдельных проявлений социального протеста в послевоенной колхозной деревне. М.А.Безнин, рассматривая проблемы крестьянского двора Российского Нечерноземья в 1950-1965 гг., уделил большое внимание одной из форм социального протеста крестьянства - "земельным захватам", выразившимся в самовольном расширении крестьянами приусадебных участков, а также рассмотрел некоторые другие стороны крестьянских протестов.⁷ О.М. Верибицкая, подробно исследовав проблему отношения российских крестьян к колхозным работам в 1945 - начале 1960-х гг., подчеркнула наличие высокого удельного веса колхозников, не выработавших годового минимума трудодней и совсем не участвовавших в общественных работах.⁸ В.П. Попов, в опубликованном сборнике документов о жизни российской деревни в 1945-1953 гг., привел множество конкретных фактов реакции крестьян на произвол и самоуправство должностных лиц.⁹ В.Ф. Зима, исследуя аграрную политику конца 1940-х - начала 1950-х г.г., обратил внимание на крестьянские протесты в связи с выселением по Указу 1948 г., а также проанализировал статистику краж

⁶ См. подробнее: *Магомедов А.К., Полищук В.Д.* Диалоги об актуальном. Анализ западных концепций советской аграрной политики в 50-е годы. Издательство Саратовского университета, 1992.

⁷ *Безнин М.А.* Крестьянский двор в Российском Нечерноземье 1950-1965 г.г. М. - Вологда, 1991; Его же. Классовая борьба в советской колхозной деревне (к постановке проблемы) // Крестьянское хозяйство: история и современность. Материалы Всероссийской научной конференции. Ч. II. Вологда, 1992. С. 63-65.

⁸ *Верибицкая О.М.* Российское крестьянство от Сталина к Хрущеву. Середина 1940 - начало 1960-х. М., 1992.

⁹ *Попов В.П.* Российская деревня после войны (июнь 1945 - март 1953). М., 1993.

на селе как реакцию на голодное существование.¹⁰ М.А. Вылцан, М.В. Шкаровский и О.М. Одинцов обратили внимание на рост крестьянской религиозности в военный и послевоенный периоды, хотя основной упор в их работах сделан на проблеме государственно-церковных отношений.¹¹

Немаловажным для понимания формирования, содержания и форм крестьянского протеста оказалось привлечение исследований в области психологии социального протеста крестьянства, крестьянского менталитета.¹²

В целом же можно констатировать создание исторической основы для исследования проблем социального протеста крестьянства Европейского Севера России 1945-1960 гг.

Целью диссертационного исследования является изучение социального протеста колхозного крестьянства Европейского Севера России в 1945-1960 гг. путем решения таких задач как:

- выяснение истоков и механизма социального протеста крестьянства;
- выявление форм социального протеста и их конкретно-исторического содержания;
- определение динамики и форм социального протеста в 1945-1960 гг.

¹⁰ *Зима В.Ф.* Второе раскулачивание (аграрная политика конца 1940 - начала 1950-х) // Отечественная история. 1993. № 3; *Его же.* Послевоенное общество: голод и преступность (1946-1947 г.г.) // Отечественная история. 1995. № 5.

¹¹ *Вылцан М.А.* Приказ и проповедь: способы мобилизации ресурсов деревни в годы войны // Отечественная история. 1995. №3; *Шкаровский М.В.* Русская православная церковь в 1943-1957 гг. // Вопросы истории. 1995. № 8; *Одинцов М.И.* Государство и церковь в России. XX век. М., 1994.

¹² *Литвак Б.Г.* О некоторых чертах психологии русских крепостных первой половины XIX в. // История и психология. М., 1971. с. 199-215.; *Усенко О.Г.* Психология социального протеста в России XVII - XVIII вв. Тверь, 1994; *Милов Л.* Природно-климатический фактор и менталитет русского крестьянства // Общественные науки и современность. 1995. № 1; *Бабашкин В.* Крестьянский менталитет: наследие России царской в России коммунистической // Общественные науки и современность. 1995. № 3 и др.

Методологическую основу исследования составили концептуальные разработки по истории крестьянства российских и зарубежных ученых. Отечественные ученые, в ходе исследования крестьянского протеста разных этапов истории России, сделали вывод о многообразии форм его проявления. Были разработаны различные варианты методологических подходов к изучению социальных протестов.¹³ Вместе с тем, четкой концепции методологии исследования этой проблемы пока не сложилось. Не определены критерии типологии протестов. Многолетняя абсолютизация роли классовой борьбы в развитии общества привела к заметному крену в сторону изучения активных радикальных форм протеста (волнения, восстания, бунты и т. д.). Пассивные же формы, являющиеся наиболее массовым и типичным способом защиты крестьянства от посягательств, остались не только методологически неопределенными, но и терминологически неразработанными. Это обстоятельство побудило в ходе исследования пассивных форм крестьянского протеста опереться на идеи организационно-производственной школы, прежде всего А. В. Чаянова. Позже эти положения были развиты в концепции "моральной экономики" крестьянства, разработанной Э. Вольфом, Дж. Скоттом и др.¹⁴ Основу ее составляет категория "выживания". Согласно данной концепции, главной задачей крестьянского социума является отстаивание своего существования в угрожающей этому социальной и природной среде. Ведущим мотивом сопротивления крестьян является обо-

¹³ Анфимов А. М. Экономическое положение и классовая борьба крестьян Европейской России 1881-1904. М., 1984; Горский А. Д. Борьба крестьян за землю на Руси в XV - начале XVI века. Изд-во МГУ, 1974; Козлова Н. В. Побег крестьян в России в первой трети XVIII века. М., 1983; Литвак Б. Г. Крестьянское движение в России в 1775-1904 гг.: История и методика изучения источников. М., 1989 и др.

¹⁴ Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М. 1925., Вольф Э. Крестьянские восстания // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире. М., 1992. С. 294-304; Scott J. C. The Moral Economy of the Peasant. N.Y., L., 1976.; Scott J. C. Weapons of the weak. Gale, 1985 и др.

рона. Крестьянская пассивность проявляется в многообразных формах уклонения от государственной политики, воровстве, профанации мероприятий власти и т.д. Такой подход к крестьянскому сопротивлению позволяет достаточно широко охватить различные формы противостояния крестьянства посягательствам "извне", и, прежде всего, со стороны государственной власти.

При изложении результатов исследования, социальный протест рассмотрен в рамках двух направлений: во-первых, - в сфере хозяйственно-экономической жизни и, во-вторых, - в сфере общественно-политических и социальных отношений.

Источниковую базу диссертации составили опубликованные и архивные документы. Их круг состоит из двух групп источников - официальных документов государственных органов и документов, вышедших из-под пера самих крестьян.

Социально-правовое положение крестьянства анализировалось на базе решений и постановлений советских и партийных органов власти. Они опубликованы в специальных сборниках. Основными для исследования являлись "Сборник законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР" (1938-1967). В 2 т. М., 1968; "КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК". В 15 т., М., 1970-1989; "Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам" (1917-1967). В 5 т. М., 1967-1968. и др. Местные варианты официальных документов, конкретизирующие центральные решения, изучены по фондам региональных архивов.

Истоки крестьянского протеста позволяют определить материалы учреждений государственной статистики, касающиеся бюджетных обследований крестьянских семей. В них приведены данные о натуральных и денежных доходах двора, временных затратах на работу в общественном и личном хозяйстве и другие данные.

Характеристика конкретных видов крестьянского протеста основывается на изученных документах партийных и советских органов, сельскохозяйственных, заготовительных, финансовых и других ведомств. Так, формы пассивного протеста крестьян (исход из деревни, невыполнение повинностей) отражены в документах фондов обкомов КПСС, республиканских и областных Советов депутатов трудящихся, материалах Совета по делам колхозов при Совете Министров СССР и его уполномоченных на местах. Важным источником слу-

жили сводные годовые отчеты колхозов, особенно их разделы о составе членов колхозов, выработке и невыработке трудодней. Масштабы уклонения от натуральных повинностей изучены по материалам Министерства заготовок СССР и его местных органов. Данные об уклонении от уплаты крестьянами сельхозналога представлены в документах Министерства финансов СССР и его органов на местах.

Проблематика борьбы крестьян за землю исследована по "Отчетам о распределении земель по угодьям и землепользователям и об использовании этих земель", содержащихся в фонде Главного управления землеустройства Министерства сельского хозяйства СССР, а так же областных управлений сельского хозяйства.

Статистика краж колхозного имущества представлена в материалах центральной и местных прокуратур, органов Министерства юстиции, различного уровня судов. Многие из этих документов отложились в фондах партийных органов, куда направлялись "для сведения".

В качестве основного источника для исследования проявлений духовного протеста крестьянства использован фонд Совета по делам Русской Православной церкви при Совете Министров СССР и его уполномоченных на местах. Сосредоточенные здесь документы содержат сведения о количестве действующих церквей и религиозных общин, числе совершенных обрядов, ходатайствах верующих об открытии церквей. Изучены также сведения "о деятельности церковников и сектантов", представленные в фондах партийных и советских органов.

Радикальные проявления протеста позволяют анализировать документы органов госбезопасности. Как правило, они имели гриф "совершенно секретно" и впервые вводятся в научный оборот.

Круг документов, вышедших из-под пера крестьян, крайне ограничен. Основной их массив, в виде крестьянских писем в органы власти, сосредоточен в фондах областных организаций коммунистической партии, а также в фондах уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР. Значение крестьянских писем и жалоб состоит в непосредственном выражении в них реакции крестьян на действия властей, что дает возможность проследить особенности крестьянского мировосприятия и миропонимания. Данный вид источников дополняют материалы властных струк-

тур по учету писем трудящихся. Они содержат сведения о количестве писем во властные структуры, их распределении по тематике. Крестьянская реакция на проводимые властями мероприятия отражена в спецсообщениях правоохранительных органов в руководящие партийные и советские структуры. Социальный протест "изнутри" изучен также по следственным делам органов госбезопасности.

Наряду с фондами центральных архивов - Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) - работа по выявлению источников была проведена в Государственном архиве Архангельской области (ГААО), Государственном архиве общественно-политических движений и формирований Архангельской области (ГА ОПДФ АО), Государственном архиве Вологодской области (ГАВО), Вологодском областном архиве новейшей политической истории (ВОАНПИ), Архиве управления Федеральной службы безопасности по Вологодской области. Всего в диссертации использованы документы 38 фондов.

Научная новизна диссертации определяется тем, что впервые в отечественной историографии предпринята попытка рассмотрения социального протеста крестьянства в условиях сложившегося колхозного строя. Работа во многом базируется на вновь вводимых в научный оборот источниках, которые служат основой для выводов о содержании и формах протеста колхозного крестьянства.

Практическое значение работы. Материалы исследования могут быть использованы в формировании региональной компоненты курса отечественной истории, а так же для написания обобщающего труда по истории северного крестьянства (советский период).

Апробация работы. Диссертация была обсуждена на заседании кафедры Отечественной истории Вологодского государственного педагогического университета в июне 1996 г. Основные положения исследования нашли отражение в докладах и сообщениях на международной научной конференции (Москва, 1994 г.), Всероссийских научных конференциях (Москва, 1994 г., Вологда, 1995 г.) и публикациях автора.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обоснована актуальность исследования, его хронологические и территориальные границы, сформулированы цели и задачи исследования, дан историографический обзор литературы, обоснованы методологические подходы к проблеме, проанализированы источники.

Первая глава - "Сопrotивление крестьянства государственной политике в хозяйственно-экономической сфере" состоит из четырех параграфов.

В *первом параграфе* рассматривается наиболее масштабная форма крестьянского протеста - исход из деревни. Численность колхозного населения сократилась в регионах Европейского Севера за 1945-1959 гг. на 35-40 %. В значительной мере это было обусловлено объективными процессами развития промышленности, требовавшей притока рабочих рук. Однако в форсированной миграции из деревни преобладающую роль играл социальный фактор. Он состоял в крайне низком жизненном уровне колхозников, его значительном отставании от материального обеспечения других слоев населения. Влияние оказывало и униженное социально-правовое положение крестьян. Согласно Примерному Уставу сельхозартели 1935 г. свободный выход из членов колхоза не предусматривался, а в соответствии с паспортной системой 1932 г., колхозное крестьянство (за исключением некоторых местностей) было оставлено без паспортов. Получение же паспорта требовало разрешения правления колхоза, не заинтересованного в потере рабочих рук. Протестуя против такого положения, крестьянство покидало деревню, преодолевая существовавшие препятствия и ограничения. Не будучи удовлетворенным в своем стремлении покинуть деревню через регулируемые государством каналы (системы оргнабора, подготовки трудовых резервов, организованного переселения в другие местности) тысячи колхозников покидали деревню "самовольно". На Севере они перемещались в лесозаготовительную промышленность, в транспортные, строительные и другие организации. Масштабы "неорганизованного выбытия" колхозников во многих местностях Европейского Севера превы-

шали средние показатели по Нечерноземью.¹⁵ Так, в Сторожевском районе Коми АССР в 1949 г. "самовольно" выехали из колхозов 43,4 % всех ушедших трудоспособных колхозников¹⁶, в Кирилловском районе Вологодской области за 1945-1950 г. - 70 %.¹⁷

Арсенал мер, применяемых для выхода из социального статуса колхозника, включал также переход на работу в другие отрасли хозяйства без перемены сельского места жительства. Переход в социальную категорию рабочих и служащих при проживании в сельской местности давал хозяйству преимущества по налогам и повинностям. При этом право пользования приусадебным участком сохранялось.

Государство боролось с принявшим широкие масштабы "неорганизованным" исходом из деревни разными способами. Руководителям предприятий было запрещено принимать на работу колхозников без справок об отпуске их правлениями колхозов. Колхозы вели поиск беглецов через прокуратуру. Только за 1950 г. в Архангельской области по решению прокуратуры было возвращено с промышленных предприятий в колхозы 168 человек.¹⁸ Правления колхозов также принимали к "отходникам" широкий спектр административно-принудительных мер. Их семьи лишались приусадебных участков, права выпаса скота, штрафовались и т. д. Однако все эти меры были малоэффективны, ибо не искореняли основной причины исхода.

Второй параграф посвящен другой разновидности протеста - уклонению колхозного крестьянства от предписываемых ему государственных повинностей: отработочной, натурально-продуктовой и денежной. Исполнение всего комплекса повинностей влекло за собой значительные и невозполнимые потери в материальном благосостоянии сельского двора, нередко ставя под угрозу возможность физического выживания, ущемляя человеческое достоинство колхозников. Уклонение от выполнения повинностей реализовывалось различными способами. Так, удельный вес трудоспособных колхозников, не выработавших годового минимума трудовых, составлял в конце 1950-х

¹⁵ История советского крестьянства. Т. 4. М., 1988. С. 149.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 9476. Оп. 1. Д. 1045. Л. 112.

¹⁷ ВОАНПИ. Ф. 1428. Оп. 13. Д. 293. Л. 13-366.

¹⁸ ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 3156.

годов 11-14 % в Вологодской области, 5-7 % в Архангельской области и Коми АССР. Часть колхозников в этих регионах не вырабатывали ни одного трудодня. Основную численность колхозников, полностью или частично не участвовавших в общественном хозяйстве колхозов (65-80 %), составляли женщины. На них лежала основная забота о воспитании детей и ведении приусадебного хозяйства, обеспечивавшего жизнь семьи.

Колхозники Европейского Севера активно уклонялись от повинностей, связанных с проведением лесозаготовок и участием в дорожном строительстве. В конце 1940-х - начале 1950-х гг. в Архангельской области в лесозаготовках не принимали участие до 40% колхозников, мобилизуемых на сезонные работы,¹⁹ в Вологодской области - до 30 % мобилизуемых "пеших" и более 50 % колхозников с лошадьми.²⁰

Спротивление крестьян системе госповинностей проявлялось также через невыполнение наиболее тяжелых для крестьянского хозяйства натуральных повинностей. Доля обязательных поставок составляла в регионах Европейского Севера почти шестую часть производимого в хозяйствах колхозников мяса и молока. Причем, к этим поставкам хозяйства привлекались независимо от наличия скота. Крестьяне стремились различными способами уклониться от сборов, создающих угрозу физическому и социальному самосохранению. Исследование показало, что в середине 1950-х гг. в регионах Европейского Севера доля хозяйств недоимщиков по мясу составляла 12-18 %, по молоку - до 33 %. Лишь с уменьшением норм госпоставок удельный вес недоимщиков сократился. Еще в большей мере крестьянство уклонялось от выполнения денежных повинностей: сельхозналога и подписки на госзаймы.

Власти реагировали на уклонение от повинностей путем привлечения "виновных" к судебной и административной ответственности. Ужесточались меры наказания, производились исключения из

¹⁹ ГА ОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 714. Л. 121, 136; ГААО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 3665. Л. 36.

²⁰ ГАВО. Ф. 1727. Оп. 4. Д. 169. Л. 21-об, Д. 300. Л. 41-об; ВО-АНПИ. Ф. 2522. Оп. 11. Д. 69. Л. 72; Оп. 19. Д. 190. Л. 43.

колхоза, лишения крестьян приусадебных участков, "бесспорные изъятия" (изъятие продуктов без решения суда). До 8 % недоимщиков имели приговоры судов. По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 2 июня 1948 г. производилась высылка крестьян "злостно уклоняющихся от трудовой деятельности". За время действия Указа на 1 августа 1949 г. в отдаленные районы страны на 8 лет было выслано 783 человека из Вологодской и 92 человека из Архангельской областей. Более 3000 колхозников были предупреждены о высылке.²¹ Тем не менее, репрессивные меры не давали желаемого эффекта. Государственные органы пытались найти другие способы привлечения ресурсов, крестьянского двора. Более того, масштабы пассивного протеста крестьянства привели к попыткам аграрного реформирования середины 1950-х гг.

Третий параграф посвящен крестьянской борьбе за землю. Приусадебное хозяйство служило для колхозников Европейского Севера основным средством к существованию. Оно обеспечивало крестьянскую семью картофелем, овощами, мясом, молоком. Личное подсобное хозяйство давало до половины денежных доходов колхозных семей. Поэтому отстаивание права на ведение подсобного хозяйства, проявлявшееся в формах "незаконных" земельных "захватов" и "самовольном" сенокосении, занимает одно из важнейших мест в системе крестьянского протеста. Ежегодные проверки земельных органов выявляли в регионах Европейского Севера от 7 % до 14 % колхозных дворов, "незаконно" прирезавших земельные участки к приусадебным наделам. Размеры этих прирезок были, как правило, невелики, но виновные в "захватах" строго карались властями. "Захваченные" земли изымались, урожай с них обобществлялся, как обобществлялось и "самовольно" накошенное сено. Сотни дел по этим вопросам рассматривались судами. Главный результат "земельной тяжбы" состоял в том, что, несмотря на проводимый государством курс на "свертывание" приусадебного хозяйства, оно сохранялось и оставалось устойчивым по своей экономической и социальной значимости.

²¹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 14. Д. 174. Л. 46; ГА ОПДФАО. Ф. 296. Оп. 2. Д. 512. Л. 31.

Четвертый параграф посвящен рассмотрению покушений на колхозную собственность. Низкие доходы крестьянской семьи и высокий уровень эксплуатации заставляли жителей деревень рассматривать колхозное имущество как один из источников существования. Доказательством тому служит тот факт, что кражи имели своим основным объектом продукты питания и корма для скота. Вынужденность подобных "нарушений социалистической законности" особенно четко прослеживается в увеличении фактов краж в голодное время. Тогда крестьяне отмечали, что "из-за отсутствия питания они стоят на пороге смерти и вынуждены совершать преступления".²² Масштабы голода, охватившего северное село в 1946-1947 гг. были велики. В некоторых сельских районах число больных дистрофией доходило до 90 % населения.²³ В этих условиях возрастала частота краж и хищений. В январе-октябре 1947 г. в Вологодской области за хищения зерна было осуждено более двух тысяч человек.²⁴ В Архангельской области только за апрель 1947 г. было передано в суд 941 дело.²⁵ Большинство крестьян в качестве меры наказания приговаривалось к лишению свободы (73-90 %)²⁶.

После некоторой стабилизации экономического положения колхозников, не только оправдывающим, но и побудительным мотивом к кражам служило участие в расхищении "колхозного добра" руководящих работников местного уровня и колхозного актива.

Вторая глава - "Крестьянский протест в социально-политической и духовной сфере" - состоит из трех параграфов.

В первом параграфе - "Крестьяне и власть: уровни общественно-политического взаимодействия" - освещаются проблемы, связанные с крестьянским протестом по поводу системы и методов "властвования" в колхозной деревне. Широко распространенными были натуральные и денежные штрафы и поборы, "превышения власти" в от-

²² ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 9. Д. 92. Л. 14.

²³ Там же. Д. 87. Л. 197.

²⁴ Подсчитано по: ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 535. Л. 13, 17, 86, 247; ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 9 Д. 92. Л. 67.

²⁵ ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 13. Д. 633. Л. 20.

²⁶ ГАРФ. Ф. 9492. Оп. 1. Д. 535. Л. 14, 18, 86, 248.

ношении крестьян со стороны различных должностных лиц. Отчужденность крестьян от общеполитического процесса, их бессилие перед властями вели к нарастанию общественной апатии. Доля колхозников, не посещавших общеколхозные собрания, достигала трети членов колхоза. В то же время, протест в отношении различных уровней власти проявлялся крестьянами неодинаково. Главными виновниками своего бедственного положения колхозники считали местный уровень власти, прежде всего, председателей колхозов. В письмах крестьяне жаловались, что председатели колхозов "чувствуют себя удельными князьками", грубо обращаются с населением деревни - "...никогда не услышишь от наших руководителей доброго слова, никогда не здороваются ни с кем, и признают только райисполком и райком партии".²⁷ Отношение к местному уровню власти выражалось в частой сменяемости председателей колхозов на общих собраниях колхозников. В 1945-1960 гг. ежегодно на Европейском Севере переизбиралось до 30 % председателей. С высшим же уровнем власти колхозники долгое время связывали "надежды на лучшее будущее". Это проявлялось в постоянном потоке писем в центральные органы власти, основное содержание которых сводилось к описанию фактов злоупотреблений местных должностных лиц, что нередко объяснялось их социальным происхождением - "из купцов, сыновей мещан, усадебников, прежнего духовенства". По мнению многих авторов, только "у дорогих вождей" можно было найти "истинную правду и искреннюю справедливость". В то же время, анализ писем показывает, что постепенно нарастало недоверие и к центральным властям. Так, по Вологодской области доля анонимных крестьянских писем, поступивших в центральные партийные органы и редакцию газеты "Правда", возросла с 17 % в 1946 г. до 40 % в 1959 г.²⁸ Другим показателем этого же рода явления можно считать и коллективные письма, доля которых возросла с 17 % в 1946 г. до 22 % в 1959 г.²⁹

²⁷ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 40. Д. 129. Л. 26.

²⁸ Подсчитано по: ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 8. Д. 67; Оп. 40. Д. Д. 66, 72, 127, 129.

²⁹ Там же.

Второй параграф - "Противостояние духовной традиции и официальной идеологии" - посвящен рассмотрению основных проявлений духовного протеста крестьянства. Несмотря на неоднозначность отношения государственной идеологии к духовно-нравственной сути народной культуры, крестьяне стремились сохранять ее традиционные установки. Так, в послевоенный период увеличивается численность ходатайств об открытии церквей. В Вологодской области за 1944-1949 гг. уполномоченному Совету по делам русской православной церкви было подано из села 319 заявлений об открытии 100 церквей и молитвенных домов.³⁰ Количество подписей под ними доходило до 500.³¹ Крестьяне указывали на необходимость "удовлетворять духовные потребности", "...чтобы наши дети при рождении были крещены, ...чтобы при смерти исповедаться и похоронили с отпеванием, ...в загробной жизни попасть в царство небесно, вечно и бесконечно".³² Продолжалось и массовое отправление религиозных обрядов. Только по зарегистрированным данным в конце 1950-х г.г. в Вологодской и Архангельской областях ежегодно крестили 15-36 % рождавшихся детей, отпевали до 10 % умерших. Большое количество церковных обрядов совершалось верующими инициативно. В деревнях проводились молебны, связанные с циклами сельскохозяйственных работ, "чтобы получить высокий урожай". Традиционно почитаемыми оставались "святые места", к которым совершались ежегодные паломничества. Так, в Архангельской области среди пяти известных в 1945-1960 гг. были "Варлаамовский колодец", "могила Евдокии Блаженной", "Святой источник" и т.д.³³ Стремление придерживаться традиционных ритуалов приводило к широкому бытованию церковных праздников, сопровождавшихся невыходом на колхозные работы, массовыми гуляньями. В Вологодской области, по сведениям, собранным партийными органами, справлялось повсеместно 12 главных христианских праздников (двунадесятых). 56 праздников в честь различных "святых", которые праздновались в большинстве населенных пунк-

³⁰ Подсчитано по: ГАВО. Ф. 1300. Оп. 14. Д. 1. Л. 167-173.

³¹ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 32. Д. 14. Л. 52

³² ГААО. Ф. 5620. Оп. 3. Д. 92. Л. 11.

³³ ГА ОПДФ АО. Ф. 296. Оп. 3. Д. 353. Л. 8.

тов, 12 праздников, связанных с царской фамилией, и сотни местных храмовых праздников.³⁴ Потери рабочего времени по этой причине достигали ежегодно 18 тыс. человеко-дней на колхоз. Власти боролись против религиозности как пропагандистскими методами, так и применяя к лидерам религиозных объединений, особенно сектантских, репрессивно-карательные меры. Это разрушало, но не искореняло традиции народной религиозной жизни. Более того, в идеологическую систему советского государства оказались "встроенными" многие элементы, обусловленные спецификой хозяйственного и духовного бытия крестьян. В параграфе рассмотрена также такая форма профанации официальной государственной идеологии, как частушки, побасенки, анекдоты. В противовес тезису власти о "единстве партии и народа", они давали отличные от официальных оценки тем или иным событиям, политическим деятелям.

Третий параграф посвящен рассмотрению радикальных форм крестьянского протеста в виде устных и письменных призывов к свержению существующего строя, фактов насильственных действий в отношении работников властных структур, руководителей и активистов колхозов, вплоть до их убийства. В исследовании впервые по архивным материалам органов госбезопасности показано наличие данной формы протеста на Европейском Севере России в 1945-1960 гг. Уровни вызревания радикальных действий, как выяснилось в ходе исследования, соотносятся с формированием общественных настроений в отношении неугодной власти, зачастую сублимируемых в слухах. Нередко эти слухи бытовали в религиозной оболочке. В начале 1950-х гг. "бродячий церковник" И. А. Тихонов говорил: "При нынешней жизни все погибнут, потому что эта власть от дьявола..."³⁵ Лидеры радикальных действий, как правило, обладали более широким, чем основная крестьянская масса социальным опытом и знаниями. Так, автором листовки, вывешенной в 1947 г. в Кирилловском районе Вологодской области, был репатриированный из германского плена и достаточно образованный колхозник В. П. Кузнецов. В листовке предлагалось для борьбы с режимом "...объединиться,

³⁴ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 21. Д. 4. Л. 162.

³⁵ ВОАНПИ. Ф. 2522. Оп. 23. Д. 91. Л. 32.

вести неустанную агитацию, сместить с кремлевского престола Сталина..., разогнать колхозы, раздать землю, скот и инвентарь в личное пользование крестьян...".³⁶

Радикальные формы протеста подавлялись властями чрезвычайно жестко. В этом проявлялись по существу элементы тупиковости сложившихся отношений колхозного крестьянства и государства.

В заключении диссертационного исследования формулируются общие выводы по изученной проблеме. Подчеркивается, что социальный протест был ответной реакцией на командование сельской жизнью, использование государственным всеэкономических методов ее регулирования. Это ущемляло не только материальные интересы, но и человеческое достоинство колхозников. В то же время социальный протест колхозного крестьянства, являясь существенной частью многообразных общественных отношений, выступал и в роли их регулятора.

* * *

Основные положения диссертации нашли отражение в публикациях автора:

1. Традиции социального протеста и их значение для России XXI века. // Россия накануне XXI века. Вып. II., М., 1995. С. 463-469.
2. Письма в органы власти как источник для изучения социально-политических воззрений северного крестьянства в период

³⁶ Архив ФСБ по Вологодской области. Фонд следственных дел. Дело на Кузнецова В.Г., Абакшина В.В., Кузнецова В.П. Т. II. Л. 362.

конца 1930-х - 1950-х годов (на материалах Вологодской области).
// Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии. Материалы конференции, посвященной 50-летию Победы. Вологда, 1995. С. 355-358.

3. Делопроизводственная документация правоохранительных органов как источник по истории крестьянства Европейского Севера 1940-1950-х г.г. (на материалах Вологодской области). // Там же. С. 368-371.

М. Д. Шолохов